

Dr. N. Roussakoff
LAUSANNE
Av. Moussy 38
Téléph. No. 53.63

P 8
865

801-12
538

95
P5

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ПО ИСТОРИИ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ЗА 30 ЛЕТ

ПОЭЗИЯ :: КРИТИКА :: БЕЛЛЕТРИ-
СТИКА :: ДОКУМЕНТЫ :: МАНИ-
:: ФЕСТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГРУПП ::

СОСТАВИЛ, СНАБДИЛ ПРИМЕЧА-
НИЯМИ И ВВОДНЫМИ СТАТЬЯМИ

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ

3413

Второе исправленное и дополненное издание

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД :: 1925

Б. КОВЫНЕВ

ИЗ ЦИКЛА «ГОЛОДНЫЕ ПЕСНИ»

Каждый день голодный ультиматум,
Каждый день голодная гроза...
Эх, ну, как не выругаться матом,
Не вз'ерошить дыбом волоса!
Оттого и бешенствуют строчки,
Оттого и в сердце мятежи,
Что вот тут, за пазухой в сорочке
Развелись породистые вши.

Где-то... где-то... пляшут балерины,
У кого-то в сердце васильки,—
А вот я маячу у витрины
И скрипя сжимаю кулаки.
У меня и холодно и тесно —
И в груди невольная вражда;
Но кому на свете не известно,
Что поэтов делает нужда!

Сборник «Перевал», 1924 г., № 1, стр. 122.

Вл. ВАСИЛЕНКО

ТВОРЧЕСТВО

Как погонщик смуглолицый,
Понукающий волов,
Я плетусь за вереницей
Мерно шествующих слов.
И размеры мне не тяжки,
И к перу я приобик,
Но бывает, что в запряжке
Заведется буйный бык,—
И на белой глади луга,
Там, где синяя трава,

Взгромоздятся друг на друга
Непослушные слова.
И тогда не до дремоты,—
Не глазей по сторонам,
А старайся под ярмо ты
Втиснуть шею шалунам.
С этой бычьей повадкой
Обессилевши в борьбе,
Засыпаю над тетрадкой,
Как погонщик на арбе.

Сборн. «Перевал», № 1, стр. 257.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

ЯКУТЕНОК

Моему старшему брату

Снова машут кудластой дымкой
Убегающие облака.
Я родился в теплой заимке
На золотых приисках.
На пригорке, у самой дороги,
Где солнце всего видней,

Я прожил в родной берлоге
Столько лет и столько дней.
Мой отец, тихий и трезвый,
Смиренье носил в груди,—
В жизни курицы не зарезал,
В жизни мухи не раздавил.
Никто никогда шуткой
Не любил его осмеять.

Он был женат на якутке,
Когда еще не был я,—
И остался смешной и тонкий,
Узкоглазый, плакал с утра—
Этот маленький якутенок
Был мой самый старший брат.
У меня глаза не узкие;
Почему?— я потом узнал—
Оттого, что была русской
У отца вторая жена.

II

Лес и заимку помню,
И холодные вечера.
Каждый проезжий конюх
Заезжал к нам ночевать.
И молодой и старый
Был для нас все равно—
Ложился на голые нары
Или просиживал ночь.
Приходили усталые, липкие,
Разговаривали с отцом,—
И раскалывала улыбка
Это ласковое лицо.
Еще хорошо я помню,
Как любил меня ласкать

Дорогой мой якутенок —
Милый мой старший брат.

III

Это было давно-давно уж...
Так давно, что не видно глазам.
На поляны пришло новое,
Новая прошла гроза.
Это было давно настолько,
Что забыл последнюю весну,—
Гуливанам не ждать попоек,
Поножовщины не вернуть.
Можно бросить теперь ружья;
Некому крови просить...
На плечах носил я стужи
И победу в груди носил.
Мне навстречу не машет дымка,
Облаков кудластых нет,
И наверно от старой заимки
Не осталось бревна на бревне.
Запоздалые ветры тонут,
Рассыпаются по горам...
Не нашел я тебя, якутенок,
Дорогой мой старший брат.

Сборник «Перевал», 1924 г., № 1, стр. 119.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ¹

ДИКОЕ СЕРДЦЕ

Ветробой

(Отрывок).

$\times 2$
В огне броду нет.

Радость гудит в Илько.
Шаг пружинит. Ноги веселы. С Фенькой шаг в шаг. Тук-тук.
Внизу море в реве, фырке. Молнья рвет ночь. Ветер рвет грудь. Кровь
мчит в Илько, мчит кровь.
— Где ж?
— Сюда! Скорей!

¹ В области художественной прозы комсомольцев выдвинулся ряд имен: Шубин, Костерин, Рахило, Герасимов в «Молодой Гвардии», Ветров, Логинов-Лесник, Юдин, Сергеев, Артем Веселый в «Перевале». Здесь за недостатком места мы даем отрывок из повести «Дикое сердце» Артема Веселого, наиболее яркого из всех. В. Л.-Р.

Торопится тропа. Галькой закипела тропа. Собака гагавкнула. Смигнул огонек. Дымком пахнуло. Пинком в калитку. С козла через порог.

- Здорово, Степан!
- Хлеб да соль.
- Милости просим.

Блюдо, рыбы кости, ложка в сторону двинуты. На столе вытертая веслом лапа Степанова. С лапоть лапа.

— Садитесь, товарищи. Что хорошего скажете?

Оба:

- Ехать надо.
- Торопимся во...
- Перебросишь нас в плавни.
- Помни уговор, Степан.

Огонь качнулся. Степан качнулся. Ветер раскачивает хату. Дует в пазы. По стенам сети переливаются. Скула у Степана сизая, литая. А глаза с рябью. Зыбкие глаза, как сети.

- Буря злючая, а то б...
- Ты не едешь?
- Дай ялик нам...

Фенька когтит его плечо.

- И паруса.
- Разя у меня ялики? Корыта. По тихой воде на них боязно.
- Все равно.
- Слышь?

Ветер толкает хату. Тоненько цвякают стекла. Стучит кровь. Дробен, смутен Степан. Неторопливые слова вяжет в тугие узлы.

- Переждать ночь... Не выгонка в сам-деле.
- Не будем ждать.
- Ты вот что, дядя Степан... Канитель не разводи.
- Давай об деле говорить.

Широко вздохнул.

— Где ж ваш товар?

— Вот товар.

Ногой ящики.

— Все тут?

— Все.

— Мы...

— Легковато. Упоры нет. Перекинет.

Фенька ударила жаркими глазами.

— Чего тут рядиться... Дашь ялик, нет ли?

— Ты не бойся — ялик вернем.

— Я не боюсь... Кого мне в своей хате бояться...

Крякнул мужик. В сердцах щелкнул со стола котенка, пробующего недоеденную уху. В сердцах сорвал картуз с гвоздя.

— Айдайте... Мне что ж... Мое дело телячье: поел и в клев...

А токо скажу: зрэй вы горячку порете.

Степанов сын Андрюшка с красными утек. Меньшака Деника мобилизовал. Ни слуху, ни духу; ни пера, ни пуху. Нет и нет. Будто и не было сыночков родных. Не за что Степану любить ни тех, ни тех. И крутой мужик, а комитету подпольного побаивался. Комитетчики все крючники да рыбаки своего курмыша. В случай чо — житья прокляты не дадут. С чего такое сбизыкалось — и не придумаешь. Держи по волам.

В дверь. В ночь. Крутень-вертень. Буря топит море, как девушка в смоляных потоках кос своих топит любовника.

Рыбак разбивает молодых:

- Зря... Буря... Я бы тож...
- Мачту крепи!
- Ставь по ходу.

Фенька накатывает в лодку камней. Илько треплет по загровку кутенка: успели подружиться. Ялик мечется на якоре. Цепью гремит. Ялик мечется из-под ног. Волна бьет, бьет.

— К берегу не жмись... Забирай все круче, круче... У маяка на перевале в бортовую качку не ложись. Боже сохрани... Царапай в лоб, в лоб... К берегу не жмись — боже сохрани... Впра — по-малу...

- Взяли...
- Счастливо!
- Хо-оп!

Бортом по зубьям гребней. Чамра¹ в парус торк-торк. Берега утонули. Огонек утонул. Выкрошился оскал скал. В реве утонуло Степаново:

— Держи — держииииииии!

Ялик раскачивается. Дрожит в беге. Грудью прошибает ночь. Молодой горячей силой топчет кольчатую волну. Море со свистом мечет арканы пенящихся гребней.

Буй сердце вертит. Рука захрясла на руле. За кормой искра стелет. Море бьется — косматая рыба в сетке. Налит парус пылающим ветром. Фенька кожаной чепкой (черпак упустила) отплевкивает. Оба на корме. Нос высок. Весела мчалъ. Скачут косматые молнии. Через всю ночь молчком. Только о деле.

— Камни за борт...

— Перехвати фал. Занемела рука.

На перевале брали килевую качку. Волна крыла подветренный борт. Фенька до свету отплевкивала без отверту воду. В жарком размете куврыкалось море.

БУРЯ

РУ

БИЛА

УДАЛЫХ.

Напеч. в журн. «Красная Новь», литературно-художественный и научно-публицистический журнал. 1924 г. Кн. 1-ая. Госиздат, стр. 41.

¹ Удары бури.